

ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКОВОГО ПУРИЗМА КАК ОБЩЕСТВЕННОГО ЯВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНИИ *

Данная статья посвящена обзору работ англоязычных авторов по «народной» лингвистике: рассматриваются объект, терминология и методы данного направления зарубежной социолингвистики. Особое внимание уделяется описанию языкового пуризма как общественного явления, приводится классификация видов пуризма, предложенная Г. Томасом, и случаи их проявления. Выдвигается гипотеза о природе языкового пуризма и причинах его появления.

The article offers a short review of the works of English-speaking authors dealing with folk linguistics: it considers the object of folk linguistics, its methods and terminology. The author dwells upon linguistic purism as a social phenomenon, considering the classification of puristic orientations developed by G. Thomas and the archetypal situations in which they occur. At the conclusion, the author sets up a hypothesis about the nature of linguistic purism and the reasons of its occurrence.

В современной Великобритании наблюдается необычайно высокий интерес «обычных» людей (т. е. не занимающихся профессионально лингвистикой) к своему языку: издается большое количество научно-популярных книг по лингвистике; в средствах массовой информации широко обсуждаются «проблемные» языковые вопросы; в ответ на это аудитория присылает огромное количество писем с вопросами и жалобами на неправильное употребление той или иной языковой формы; существует огромное количество Интернет-сайтов и обществ, концентрирующихся на том или ином языковом аспекте, например, «The Society for Preservation of Strong Verbs» или «The Society for the Protection of the Apostrophe». Вот как описывает данную ситуацию Д. Кэмерон: «...there exists a whole popular culture of language, in which many people participate in some degree. Some are occasional and fairly passive consumers, a few are fanatical crusaders, and there is a continuum of interest and commitment between these two extremes. What is clear, however, is that a great many people care deeply about linguistic matters;

they do not merely speak their language, they also speak copiously and passionately about it» [Cameron, 1995. P. IX].

Однако до недавнего времени в лингвистике было не принято изучать «народные» представления о языке, в большей степени именно в силу оценочного характера последних. Представление о лингвистике как о науке прочно укрепились в XIX в., когда в европейской лингвистике господствовало структуральное направление, ограничивавшее сферу ее интересов до описания языковой структуры, при этом мало уделялось внимания описанию языка как социального феномена. Своего апогея анти-прескриптивные настроения достигли в начале XX в. в американской школе структурализма Л. Блумфилда, который заявил, что «копаться в мелочах» (имеется в виду определять правильность употребления той или иной языковой формы) не является достойным занятием для лингвиста [Milroy, Milroy, 1991. P. 9]. Его последователи в борьбе с прескриптивным отношением к языку пошли еще дальше, приравняв к последнему правила преподавания школьной грамматики. Так, Фрайз считал «ненаучным» даже использование традици-

* Работа выполнена в лаборатории этнопсихолингвистики НИЧ НГУ по проекту НИР 1.14.07 (тематический план по заданию Рособразования).

онных лингвистических терминов, таких как «существительное», «прилагательное» и «глагол» [Milroy, Milroy, 1991. P. 9]. В результате, в 50-х – 60-х гг. XX в. наступил кризис преподавания английского языка в британских и американских школах. Последствия этого кризиса стали видны в 1980-е гг., когда выпускники школ стали поступать в высшие учебные заведения. Именно этот период называют периодом «великой языковой паники», когда все газеты Британии трубили о всеобщем понижении уровня грамотности в стране, ведущем к упадку нравственности (подробнее об этом см. ниже).

Однако ближе к концу XX в. лингвисты пришли к выводу, что, рассматривая язык, как социальное явление, нельзя не учитывать представления о нем нелингвистов: «The study of linguistic authoritarianism is an important part of linguistics, and as linguists we feel an obligation to attempt to close the gap between specialist and non-specialist views in the nature and use of language» [Ibid. P. 11]. В результате возникло новое направление в лингвистике – folk linguistics, призванное системно изучать представления непрофессионалов о языке и законах его использования. (Термин «folk linguistics» был введен в обиход западной лингвистики Хенигсвальдом в 1966 г. [Gurtt, 2000], на русский язык его часто переводят как «народная» или «наивная» лингвистика).

Центральным понятием folk linguistics является attitude (отношение), которое в наиболее общем варианте определяют следующим образом: «An attitude is a disposition to react favourably or unfavourably to class of objects» [Ibid. P. 10]. Большинство исследователей сходятся на том, что отношение имеет трехчастную структуру (содержит когнитивную, аффективную и поведенческую компоненты), при этом аффективная (оценочная) компонента, как правило, является определяющей. Отношения формируются у человека в процессе социализации; они относительно устойчивы во времени и определяют наше восприятие и поведение.

Основные методы, традиционно используемые при изучении отношения к языку, можно подразделить на три группы: 1) метод контентного анализа (названный так Кнопсом и Хаутом в 1988 г.); 2) методы прямого измерения (Direct measures); 3) методы непрямого измерения (Indirect measures) [Ibid.].

Метод контентного анализа, заключающийся в анализе содержания текстов, редко используется в качестве самостоятельного метода при изучении отношения к языку или его вариантам в силу своей субъективности. (Однако в последнее время появились компьютерные методы анализа текстов, позволяющие количественно просчитать те или иные характеристики исследуемого объекта. См., например, [Шалак, 2004].) Кроме того, содержание текстов, подвергающихся контентному анализу (всевозможные документы, медиа-тексты, художественная литература), очень часто бывает идеологизированным и лишь частично совпадает с мнением большинства людей.

При прямом измерении исследователь напрямую задает вопросы об отношении респондентов к тому или иному языковому варианту, используя при этом устную форму (интервьюирование, опрос) или письменную (анкетирование). Анкетирование является более структурированным методом, позволяющим проводить количественные подсчеты, используя методику шкалирования (в настоящее время в социолингвистике используется несколько вариантов шкал: Терстоуна, Ликерта и семантический дифференциал). При этом необходимо учитывать, что в силу психологических причин ответы информантов не всегда могут быть искренними, особенно когда дело касается таких «щекотливых» тем, как этническая и социальная принадлежность. Частично эта проблема снимается при анонимном анкетировании и разъяснении информантам целей исследования. Большую роль при интервьюировании играет также личность интервьюера. Кроме того, не все аспекты «образа языка» могут быть отрефлексированы информантами, часть из них остается на бессознательном уровне.

К прямым методам относятся также методы, разработанные Престоном и используемые в перцептивной диалектологии (perceptive dialectology): информантов просят нарисовать на «пустой» карте границы диалектов (mental maps); отметить территории с наиболее «правильным», «приятным», «престижным» произношением; прокомментировать свои ответы.

В не прямых методах отношение к языку выявляется косвенно, испытуемым не сообщается об истинной цели исследования, что позволяет выявить аспекты, не поддающи-

еся прямому изучению. Все используемые в социолингвистике непрямые методы так или иначе сводятся к *matched guise technique* (MGT), разработанной Ламбертом в 1950-е гг. [Gurtt, 2000]. В исходном варианте данная техника заключается в предъявлении группе людей (называемой фокус-группой, *judges*) последовательности записанных на пленку текстов «нейтрального» содержания. Тексты читаются одним и тем же человеком, но, например, с разным акцентом (если целью эксперимента является выявление отношения к различным акцентам). Испытуемым говорится, что все тексты читаются разными людьми и предлагается оценить говорящих, используя некоторый набор биполярных шкал – антонимичных прилагательных, образующих определенные семантические блоки, например, *prestige* (*educated – uneducated; high status – low status*); *social attractiveness* (*friendly – unfriendly; sincere – insincere*). Таким образом, для фиксирования результатов используется метод семантического дифференциала.

Данную методику не раз критиковали за искусственность (невозможно корректно симитировать несколько различных акцентов, невозможно подобрать «нейтральный» во всех отношениях текст, чтение вслух отличается от непринужденной речи, невозможно подобрать универсальные шкалы и т. д.). В результате были разработаны вариации MGT, позволяющие преодолеть данные недостатки. Например, Гайлз проводил следующий эксперимент: к школьникам двух разных классов приходил человек, представлявшийся преподавателем факультета психологии в университете, и предлагал учащимся написать небольшое сочинение о том, что такое психология. При этом в каждом случае «преподаватель» говорил с разным акцентом (RP, Birmingham). Отношение к RP и Birmingham English оценивалось по характеру написанных сочинений (их длина, общий тон, используемая лексика) [Ibid.]. В данном случае, правда, высока степень субъективности оценки.

Еще одним непрямым методом, который, на наш взгляд, можно использовать для выявления отношения к тому или иному языковому варианту, является метод ассоциативного эксперимента, заключающийся в предъявлении испытуемым слов-стимулов, на которые они должны реагировать первой приходящей им в голову словесной реакцией. Данный метод используется в психолинг-

вистике для выявления содержания образов сознания, под которыми понимается «совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира» [Тарасов, 1996. С. 7]. Отношение к объекту также является неотъемлемой частью его образа, и поэтому может быть исследовано с помощью метода ассоциативного эксперимента. К преимуществам данного метода, помимо того, что он позволяет выявить особенности языкового сознания, обычно не осознаваемые носителями языка, можно отнести достаточную простоту в подготовке, легкость и быстроту проведения.

Отношение к языку, как было замечено выше, может выражаться в различных формах: от простого любопытства до ярко выраженного языкового пуризма. Характерной чертой последнего является использование ценностных категорий, таких как «плохой – хороший», «чистый – загрязненный», «красивый – некрасивый» применительно к языку. До недавних пор попытки системного изучения данного явления не предпринимались, более того, сам термин «языковой пуризм» не является достаточно устоявшимся. Так, Д. Кэмерон оперирует понятием «*verbal hygiene*» [Cameron, 1995], а Дж. Милрой и Л. Милрой – «*linguistic authoritarianism*» [Milroy, Milroy, 1991]. Пожалуй, первым исследователем, попытавшимся взглянуть на данное явление системно, является Г. Томас, который в книге «*Linguistic Purism*» дает определение пуризма, приводит классификацию видов пуризма и причины их возникновения.

В качестве рабочего определения лингвистического пуризма Г. Томас предлагает следующее: «*Purism is the manifestation of a desire on the part of a speech community (or some section of it) to preserve a language form, or rid it of, putative foreign elements or other elements held to be undesirable (including those originating in dialects, sociolects and styles of the same language). It may be directed at all linguistic levels but primarily the lexicon. Above all, purism is an aspect of the codification, cultivation and planning of standard languages*» [Thomas, 1991. P. 12].

Как замечают Дж. Милрой и Л. Милрой [Milroy, Milroy, 1991], особенностью пуристического дискурса является неспособность отделить язык как систему от его фактического использования; на основе анализа отде-

льных языковых деталей делается вывод о «превосходстве» одного языка (или языкового варианта) над другим. Например, утверждается, что диалекты, в которых присутствует дифференциация *shall / will* (как это принято в стандартном английском), «лучше», «богаче» тех, в которых для выражения будущего времени имеется только *will*; при этом, однако, не принимается во внимание отсутствие в *standard English*, например, различных форм для выражения 2-го лица единственного и множественного числа, присутствующих в некоторых северных диалектах.

Из множества существующих в языке форм пуристы выбирают только одну «правильную». Часто этот выбор выглядит совершенно произвольным с лингвистической точки зрения, поскольку остальные формы ничуть не хуже в плане использования, а аргументы, выдвигаемые в пользу одной формы, можно легко заменить на аргументы в пользу другой формы. Например, форма *different from*, принятая в качестве нормы еще в XVIII в. по аналогии с *differ from*, легко могла бы быть заменена на *different to*, так как до этого уже существовали такие конструкции, как *similar to*, *equal to* и т. д. Аргументы, чаще всего используемые пуристами при выборе той или иной языковой формы, – это аналогия, правила латинской грамматики, этимология и правила математической логики. (На последнем принципе, например, базируется негативное отношение к двойному отрицанию, так как в математике двойное отрицание дает утверждение.)

Томас вслед за Данешем выделяет 4 типа отношения людей к языку, определяющих их языковое поведение: два первых имеют рациональную базу (инструментальное, или прагматическое, и этическое отношение), а два других – нерациональную (аффективное и традиционное отношение). У пуристов преобладает нерациональное отношение к языку, т. е. они рассматривают язык, в первую очередь, не как инструмент для общения, а как некий символ (например, связи с культурным прошлым страны) [Thomas, 1991. P. 35–38].

В языковом сознании пуристов существуют образы «хорошего» и «плохого» языка, а также причин, делающих «хороший» язык «плохим» и способов борьбы с этим. Это и определяет направленность (*orientation*) языкового пуризма. В зависимости от направ-

ленности Томас выделяет следующие виды языкового пуризма:

1) *elitist* (элитарный пуризм), моделью для которого является язык в его стандартном варианте;

2) *ethnographic* (этнографический пуризм), который, напротив, приветствует разнообразие языковых вариантов; варианты, отличные от стандарта, воспринимаются как более «чистые», «естественные»;

3) *archaising* (архаический пуризм) – в качестве образца выступает язык в той форме, которая была характерна для «золотого века» данной культуры;

4) *reformist* (реформистский пуризм) – напротив, приветствует языковые изменения, без них язык считается «закостеневшим»;

5) *xenophobic* (ксенофобный пуризм), направленный на искоренение иноязычных элементов из языка [Ibid.].

Кроме того, можно еще выделить *playful purism* (являющийся, по сути, языковой игрой, не имеющей конечной цели, это пуризм ради пуризма) и *anti-purism* (реакция на чью-либо пуристическую деятельность), однако Томас не рассматривает их подробно, так как они не имеют определенной направленности.

В каждую эпоху может преобладать либо какой-то один вид пуристической деятельности (и тогда говорят об одномерном пуризме), либо сразу несколько (двух- и трехмерный пуризм). Преобладание того или иного вида пуризма в стране зависит от внешних и внутренних факторов. Так, наиболее часто встречающимся является ксенофобный пуризм, который возникает при тесном контакте двух культур, когда одна культура подавляет другую и происходит трансфер языковых единиц из одного языка в другой. Пуристические тенденции тогда появляются в языке, подвергшемся влиянию, и их функция – поднять престиж собственного языка в глазах его носителей и, таким образом, предотвратить использование ими иностранной лексики (*prestige function of purism*). Томас выделяет еще *solidarity function* (обеспечивать сплоченность языкового сообщества) и *separating function* (отделять «своих» от «чужих») [Ibid.].

Для пуристического дискурса характерно наличие большого количества метафор, выстраивающих ассоциативную связь между образом языка и образами объектов, облада-

ющих определенными свойствами, что позволяет пуристам манипулировать сознанием аудитории. Так, Томас приводит 7 видов метафор (7 образов), наиболее часто используемых в текстах пуристического содержания (в скобках указывается источник и время использования метафоры):

1) образ мельницы (Florentine Academia della crusca, 1572 г.) – деятельность пуристов ассоциируется с процессом отделения зерен от плевел;

2) образ сада (German language societia) – язык ассоциируется с садом, нуждающимся в постоянном уходе;

3) образ металлургического производства – пуристическая деятельность сравнивается с процессом выплавки металла из руды;

4) образ затачивания (чешский пуризм 1674 г.) – язык «обрабатывается» пуристами, как деталь на точильном камне, чтобы «усовершенствовать» его;

5) образ хирургического вмешательства – пурист выполняет роль хирурга, удаляющего больной орган, чтобы предотвратить распространение болезни;

6) образ генетика – цель пуризма – не допустить «скрещивания» двух языков;

7) образ священника (The Pure Language Society в Индии) – пурист сравнивается со священнослужителем, проводящим обряд «очищения» языка [Thomas, 1991. S. 35–38].

От себя можем добавить, что для актуализации образа английского языка в прессе часто используются такие метафоры, как «язык – живой организм», «язык – имущество», «язык – материал» и т. д. [Жукова, 2006а].

Распространителями пуристических взглядов становится первоначально небольшая группа людей (писатели, общественные деятели, журналисты), чья профессиональная деятельность не связана напрямую с лингвистикой. В Америке, например, практически в каждой газете существует отдельная колонка, посвященная обсуждению языковых вопросов. Ведущих этих колонок часто называют language mavens или death-language writers, так как в своих статьях они часто рассуждают об упадке английского языка. Наиболее известные из них – У. Сэфир (автор книги «On language») и Э. Ньюман (написавший бестселлер «Strictly speaking. Will America be the death of English?»). Сами пуристы называют себя «guardians of the language», а свою деятельность – борь-

бой за сохранение английского языка (книга Д. Кристалла, посвященная истории языкового пуризма в Англии, так и называется «The Fight for English»).

Активное проявление пуристической деятельности обычно начинается в период формирования стандарта, поскольку при этом появляется эталон для сравнения, хотя отдельные высказывания, касающиеся языкового использования, могут появиться и раньше. В Англии, как известно, языковой стандарт начал формироваться в XV в. с появлением книгопечатания. В этот же период, по замечанию Д. Кристалла, стали заметны первые проявления языкового пуризма, достигшие своего апогея в так называемую эпоху Ренессанса (условно к нему относят период с 1525 по 1640 г. – время правления королевы Елизаветы I) – «золотой век» Английской поэзии и культуры, эпоху Шекспира и Милтона. Однако, на наш взгляд, усиление пуристической активности в этот период связано не только, и не столько с процессом формирования Standard English (до XIX в. даже термина такого не существовало), сколько с этнокультурными изменениями, происходящими в Англии: в это время стали проявляться последствия норманнского завоевания, закончилось формирование англонорманнского этноса и наступила инерционная фаза его этногенеза (по Гумилеву, инерционная фаза представляет собой период в жизни этноса, когда, израсходовав большую часть своего энергетического потенциала, этническая система концентрируется на создании и поддержании своих культурных ценностей [Гумилев, 2003]).

1755 г., по мнению Д. Кристалла, ознаменовал следующую веху в истории «борьбы за английский язык» [Crystal, 2006]: появился словарь английского языка «Dictionary of English», составленный С. Джонсоном, целью которого было создать модель употребления языка. Вот как сам Джонсон писал об этом: «I have laboured to refine our language to grammatical purity, and to clear it from colloquial barbarisms, licentious idioms, and irregular combinations (Johnson S. Rambler, 14 March 1752. P. 208. Цит. по: [Crystal, 2006. P. 88]). Последующие 125 лет, вплоть до момента создания The Oxford English Dictionary, словарь С. Джонсона был основным лексикографическим источником для исследователей английского языка (кстати, именно

С. Джонсон в предисловии к словарю употребил метафору «corruption and decay» по отношению к изменчивому статусу английского языка, подхваченную в последствии языковыми пуристами [Crystal, 2006]). Казалось бы, с появлением такого авторитетного источника языковые баталии должны бы несколько поутихнуть, однако уже в XIX в., с появлением American English, они возобновились с новой силой¹. В настоящее время в Англии существует довольно устойчивая пуристическая традиция (Дж. Милрой и Л. Милрой называют ее «language complaint tradition» [Milroy, Milroy, 1991]), некоторые проявления которой были описаны выше. Однако время от времени происходят внезапные «всплески» народного интереса к языку, как это, например, случилось в 1980-е годы, когда английское общество буквально охватила массовая «языковая истерия» (language panic). В 1988 г. началась реформа образования, в результате которой планировалось разработать единый стандарт преподавания в государственных школах, при этом баталии развернулись именно вокруг преподавания английского языка, особенно грамматики (в газетах этот феномен окрестили «a national grammar crusade» и «curriculum wars») [Cameron, 1995]. В дебатах приняли участие не только (и даже не столько) лингвисты, но и «обычные» люди, не имеющие никакого отношения к решению языковых проблем (знаменательно, что активное участие в этом принял принц Чарльз, который и по сей день считается одним из самых ярких пуристов в Англии). «Защитники языка» требовали вернуть в школы «традиционные» принципы преподавания грамматики (в частности заучивание – drilling), при этом они апеллировали к моральным принципам; нарушение грамматических правил приравнивалось ими к антисоциальному или даже преступному поведению. Приведем пример одного такого высказывания: «If you allow standards to slip to the stage where good English is no better than bad English, where people turn up filthy at school... all these things tend to cause people to have no standards at all, and once you loose standards then there's no imperative to stay out

of crime» (Norman Tebbit MP, Radio 4, 1985, цит. по: [Cameron, 1995. P. 94]).

Д. Кэмерон пытается объяснить это явление с позиции «теории моральной паники» (theory of moral panic), разработанной специалистами по истории культуры. Под моральной паникой понимаются случаи, когда реакция на какое-то событие в обществе становится несоизмеримой со значимостью самого события, при этом последствия этого события трактуются очень упрощенно и в качестве борьбы с ними применяются «драконовские меры». На самом же деле за данным «незначительным» событием стоит нечто большее – какая-то крупная социальная проблема, которую, однако, не принято обсуждать в обществе (например, расизм). В итоге накопившаяся отрицательная энергия выплескивается на некий объект, ставший «козлом отпущения». В случае с language panic, как считает Д. Кэмерон, столь массовый ажиотаж вокруг преподавания грамматики служит сигналом глубокого социального кризиса, происходящего в английском обществе.

Г. Томас указывает на наличие большого количества общих черт у языкового пуризма с национализмом, таких как бинарная категоризация действительности (выделение всего двух классов – правильное / неправильное, свое / чужое); сходство традиционно выделяемых националистических идеологий с перечисленными выше пуристическими направленностями; зависимость от внешних социально-экономических условий. На основании этого он выдвигает гипотезу о том, что «всплески» языкового пуризма происходят с определенной периодизацией, совпадающей с фазами активного проявления национализма [Thomas, 1991]. Томас выделяет три степени интенсивности языкового пуризма: низкую (mild purism), среднюю (moderate purism) и высокую (extreme purism). Каждому народу присущ свой тип (pattern) развития пуристической активности. Всего, по мнению исследователя, существует 7 таких типов:

1) marginal purism (маргинальный, незначительный) – пуризм, проявляющийся с низкой степенью интенсивности на протяжении всего процесса разработки языкового стандарта; его распространение ограничивается лишь узким кругом людей (в качестве примера Томас приводит английский и русский языки);

¹ До сих пор американский английский является одной из основных мишеней пуристов. Об отношении англичан к American English см., например, [Жукова, 2006б].

2) moderate, discontinuous purism (умеренный, дискретный) – пуризм средней степени интенсивности, возникающий в обществах с отсутствием длительной пуристической традиции (французский и португальский языки);

3) trimming purism (регулирующий) – возникает в качестве реакции на «опасные», с точки зрения общества, тенденции в развитии языкового стандарта (датский, шведский, голландский);

4) evolutionary purism (эволюционный) – пуризм, характеризующийся постепенно нарастающей степенью интенсивности и достигающий своего максимума в период появления языкового стандарта, после чего его интенсивность спадает (венгерский, финский);

5) oscillatory purism (осцилляторный) – пуризм с резко изменяющейся степенью интенсивности (немецкий, чешский);

6) stable, consistent purism (постоянный, устойчивый) – пуризм, проявляющийся с постоянной степенью интенсивности (арабский);

7) revolutionary purism (революционный) – характеризующийся неожиданной и резкой сменой от одного из вышеописанных типов к другому (турецкий) [Thomas, 1991].

В настоящий момент данная классификация типов языкового пуризма является скорее гипотетической, чем основанной на реальных фактах. Как уже было сказано, языковой пуризм не так давно стал предметом изучения лингвистики, и в качестве иллюстрации автор приводит лишь отдельные примеры из истории тех или иных языков. Тем не менее на основе вышеизложенных фактов мы уже можем сделать выводы о спорности суждений автора о характере развития языкового пуризма в Англии. Уровень заинтересованности англичан проблемами своего языка сложно назвать низким, кроме того, он имеет тенденцию меняться со временем.

Вслед за И. В. Шапошниковой (см., например, [Шапошникова, 2006а; 2006б]) мы считаем, что интенсивность общественно-языковой деятельности зависит от глубинных процессов, происходящих в структуре рассматриваемого этноса. Первоначально носителями пуристических взглядов является небольшая группа людей (этническая группа, теоретически это мог бы быть и субэтнос, в терминах Л. Н. Гумилева [2003]), в сознании которых существует определенный ценностно-маркированный образ родного языка. Для

того чтобы пуризм стал массовым явлением, необходимо, чтобы данная система ценностей разделялась всеми членами языкового коллектива. Только тогда призыв пуристов к «борьбе за сохранение языка» будет услышан. А происходит это в определенные моменты жизни этноса: когда он вступает в инерционную фазу своего развития (как, например, в Англии в XVI–XVII вв.) или в переломную межфазовую эпоху, в особенности когда этническая система испытывает давление извне. При адаптации к новым условиям среды этносу приходится пересматривать систему своих ценностей, производить так называемый трансфер этнических констант (термины С. В. Лурье [1997]), т. е. корректировать уже существующие образы себя, своих друзей и врагов и т. д. При этом члены этнического коллектива бессознательно обращаются за помощью к языку как хранителю их этнокультурной традиции, в семиотическом пространстве которого запечатлены образы родной культуры. Выстраивая образ «своего» и «чужого», «хорошего» и «плохого» языка, они пытаются тем самым регламентировать свои отношения с внешним миром, сделать его более упорядоченным (Г. Томас, кстати, также выдвигает в чем-то сходную гипотезу, ссылаясь на М. Дуглас [Thomas, 1991], однако он не рассматривает этническую подоплеку данного явления). У англичан начиная со второй половины XX в. было много таких «потрясений»: окончательный распад империи, повлекший за собой появление новых вариантов английского языка (new Englishes), усиление геополитического влияния бывшей колонии – Америки, и большой наплыв американизмов в британский английский, ослабление связи с Шотландией и Уэльсом, ранее считавшимися «своими» («decline of sense of Britishness» [Weight, 2002]), массовый приток в страну иммигрантов, обсуждение вопроса о вступлении Британии в Евро-союз и т. д. Все это, на наш взгляд, повлияло на реструктуризацию образа английского языка, сопровождавшуюся всплеском пуристической активности. Насколько такое положение вещей является закономерностью для иных этнических сообществ, может показать только историко-этнолингвистический анализ этнических картин этих народов. В этом смысле данная точка зрения является скорее нуждающейся в проверке гипотезой, чем закономерностью.

Список литературы

- Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 548 с.
- Жукова Л. С.* Концепт ЯЗЫК в английском национальном сознании (на материале современной британской прессы) // Концептология: опыт исследования: Сб. науч. тр. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2006а. С. 70–75.
- Жукова Л. С.* Образы американцев и англичан: авто- и гетеростереотипы // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006б. Т. 4, вып. 2. С. 25–32.
- Лурье С. В.* Историческая этнология: Учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 1997. 448 с.
- Тарасов Е. Ф.* Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 7–22.
- Шалак В. И.* Современный контент-анализ. Приложения в области: политологии, психологии, социологии, культурологи, экономики, рекламы / Рос. акад. наук; Ин-т философии. М.: Омега-Л, 2004. 272 с.
- Шапошникова И. В.* Мировоззренческая функция иноязычного лингвистического образования в России-Евразии // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006а. Т. 4, вып. 1. С. 80–102.
- Шапошникова И. В.* Эфемеры, химеры и карьера: международный стандарт XXI века? (К проблеме самоорганизации языковых и этнических систем) // Гуманитарная наука сегодня: материалы конф. / Под ред. Ю. С. Степанова. М.; Калуга: ИП Кошелёв А. Б. (Изд-во Эйдос), 2006. С. 222–238.
- Cameron D.* Verbal Hygiene. L.; N. Y.: Routledge, 1995. 264 p.
- Crystal D.* The Fight for English. How Language Pundits Ate, Shot and Left. N. Y.: Oxford Univ. Press, 2006. 239 p.
- Gurtt P.* Language Attitudes: Methods and Interpretation in Sociolinguistic Research, 2000.
- Milroy J., Milroy L.* Authority in Language: Investigating Language Prescription and Standardisation, 1991.
- The State of the Language / Eds. Ch. Ricks, L. Michaels.* Berkley; Los Angeles, California: Univ. of California Press, 1990.
- Thomas G.* Linguistic Purism. N. Y.: Longman, 1991.
- Weight R.* Patriots. National identity in Britain 1940–2000. L.: Macmillan, 2002.

Материал поступил в редколлегию 30.04.2007